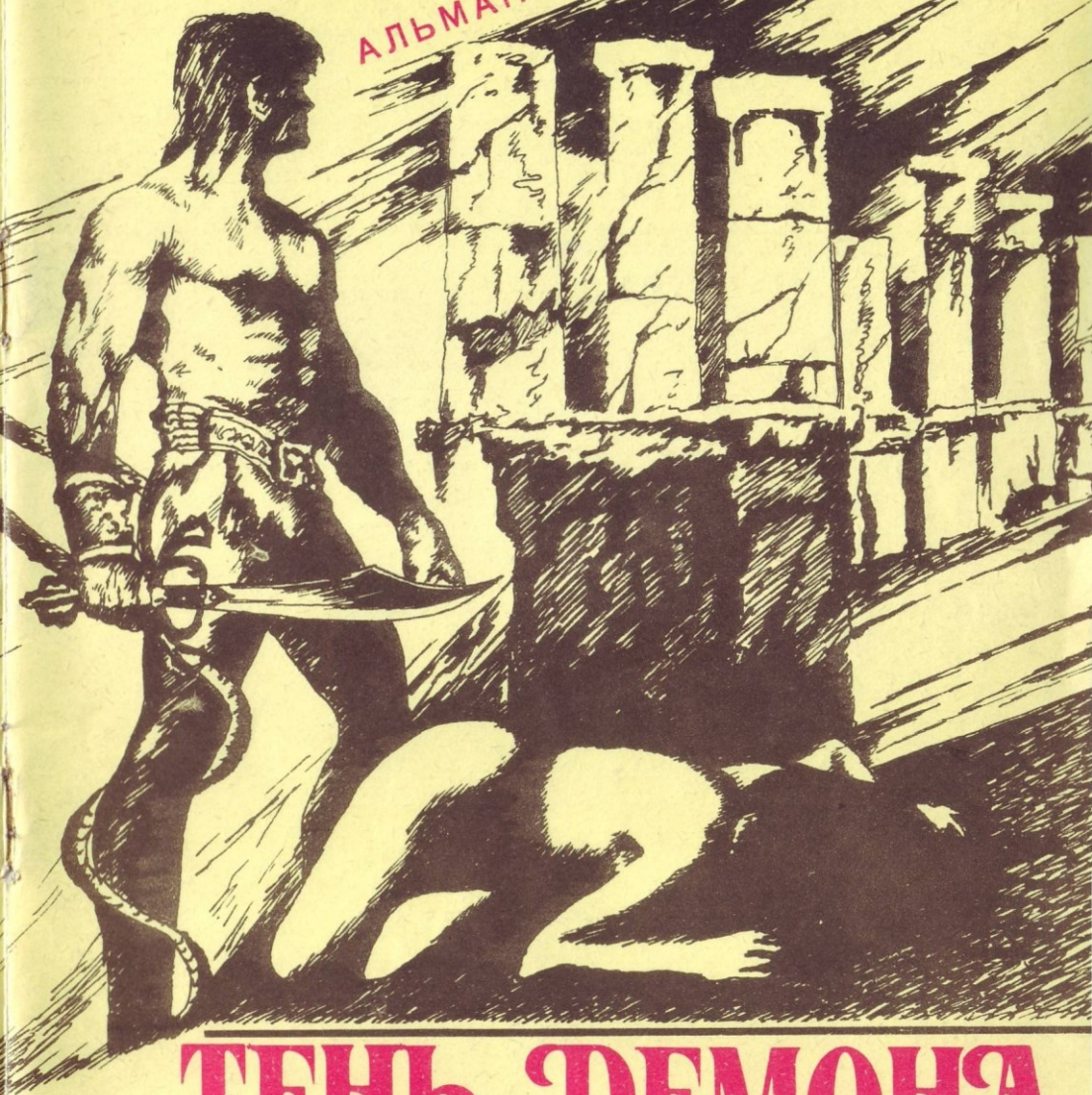

АЛЬМАНАХ • БОБОК •

ТЕНЬ ДЕМОНА

а л ь м а н а х   комической,
                         фантазмагорической
и мистификационной литературы
БОБОК 4 . 91

ТЕНЬ   ДЕМОНА

Москва
ВГФ им. А. С. Пушкина
ЦВЕТУЩИЙ ПОСОХ

Альманах Бобок. Выпуск 4.

Главный редактор **Ив. Логинов**

Ответственный секретарь **С. Котькало**

Художник **В. Дунько**

Технический редактор **Н. Александрова**

© Альманах Бобок,
состав, оформление, 1991

© Карина Пилюян, перевод
с английского, 1991

К. Дж. ЧЕРРИШ

СУМРАЧНЫЙ БОГ

Смерть шла по базарной площади Каринфа.

Люди, никогда не встречавшиеся с ней, рисуют ее древней беззубой старухой с острой косой в костлявых старческих руках. Но вечно юным и прекрасным был добрый бог смерти Танатос и столь же прекрасным был его дворец в мрачном царстве теней Аида.

Танатос шел по базарной площади Коринфа.

Он в нерешительности останавливался возле прилавков, красивыми глазами оглядывал кишачие толпы людей и кротко улыбался детям. В эту минуту он имел вид невзрачного художавого мужчины в бурых лохмотьях с дорожным посохом в руках. Он в самом деле был путешественником. В то утро он побывал в Сирии в гостях у знаменитого полководца, посетил индийского мудреца, в Египте присутствовал при убийстве. А еще он имел тысячи и тысячи слуг, повсеместно сеющих смерть и повинующихся его приказам. В эту минуту он находился на рыночной площади, он был также и в лачуге нищего в Германии, и в тесных переулках Рима. Вездесущий все чувствующий и все видящий собственными глазами.

Танатос тихо смеялся, глядя на ребенка, который улыбался ему в ответ. Но его смех оборвался, когда появилась испуганная мать и повела малыша прочь, громко браня его за разговор с чужестранцем. Танатос отвернулся от увечного молодого нищего, который с надеждой смотрел на него. Он дал ему только монетку. Нищий взял ее, пристально и тревожно глядя ему вслед.

Выше по ступеням располагался вход во дворец. Стражники было насторожились, но видя перед собой только бедного путеше-

ственника, позволили ему войти. Таковы были обычаи этой страны. Иностранцев радушно принимали во дворце, их усаживали за пиршественный стол и дарили богатые подарки. Путешественники были здесь явлением редким, а новости из внешнего мира скудными.

Сама смерть будет сегодняшней ночью восседать за королевским столом, проверяя те чувства, которые привели ее сюда.

Танатос уверенно шел по роскошным залам дворца, находя знакомые коридоры, ведущие в личные покои короля, где в самом разгаре шел свадебный пир. Танатос был здесь всего лишь год назад, когда уводил старого короля. Да и его слуги не раз захаживали во дворец, уводя то одного, то другого, и через их глаза ему был прекрасно известен каждый уголок этого дворца, равно как и большинство мест на широком лице Земли.

Дворцовые слуги смотрели на него глупым человеческим взглядом. Они видели только рваные лохмотья, и поэтому, презрительно пожав плечами, отвели ему худшее место в самом конце длинного стола. Там для него были приготовлены еда и вино. Он молча принялся за них, смакуя самое важное, что есть на свете и, прислушиваясь к песням сладкоголосых министрелей. Никто не заговаривал с ним, и он не обращался ни к кому, только время от времени отрывал глаза от тарелки и пристально смотрел на самый высокий стол, за которым восседал молодой король.

Он не знал, что привело его сюда, до тех пор, пока глаза короля не приобрели того тусклого невыразительного оттенка, свойственного мертвецам. Танатос взглянул по левую сторону от короля, где сидела молодая королева, его жена. Обвел взглядом слепых, ничего не видящих придворных. Он должен был встретить глаза короля и понять, что узнан. Но и этого могло оказаться недостаточно. Король слишком молод: у него нет хорошей осведомленности стариков, послушных приближению смерти.

Еда была хорошо приготовлена. В зал принесли еще вина, и король отпил первым из золотого кубка и передал его королеве. Слуги обнесли всех присутствующих чашами с вином для нового радостного возлиания. Сегодня во дворце был великий праздник.

Взгляд короля неизменно и нерешительно останавливался на Смерти, чьи бурные лохмотья казались ему черными, а лицо скорее темным, чем загорелым. Только умирающий мог видеть это.

— Чужестранец, — произнес, наконец, король сильным и властным голосом. — Существует обычай, согласно которому, мы угощаем наших гостей, а затем они открывают нам свое имя

и рассказывают о своих странствиях, если это не противоречит их желанию. Мы не настаиваем, но таковы традиции.

Танатос встал, и время остановилось. Все в зале стало неподвижным: вино застыло, вылившись наполовину, губы замерли на полуслове. Муха, залетевшая в открытое окно, повисла в воздухе черной точкой. Каждый огонь стал изваянием пламени.

— Господин Сизифос, я Смерть, — сказал Танатос, сбрасывая обманчивую внешность и являясь таким, какой он есть. Смуглый близнец бога Сна, прекрасный, добрый и вечно юный бог.

— Идем, — сказал он. — Идем.

Душа вздрогнула внутри смертного тела Сизифоса, прочно державшего ее с цепкой силой молодости. Сизифос огляделся по сторонам на пышное убранство зала, столы, уставленные серебряной и золотой посудой. Он коснулся руки прекрасной молодой королевы, но она не почувствовала его прикосновения. Ни единого проблеска сознания того, что происходит! Ее движение было прервано на подъеме, синие, как летние небеса, глаза сияюще открыты, волосы, подобные пшеничным полям в августе, мягко легли на плечи. Прекрасная, незабвенная Мериуп!

Руки Сизифоса дрожали. Он повернул к богу Смерти свое заплаканное лицо.

— Она не может тебя видеть, — сказал Танатос. — А теперь пойдем отсюда.

— Это несправедливо, — воскликнул Сизифос.

— Ты счастливый, — возразил Танатос. — Обладать множеством чудесных вещей и никогда не увидеть их увядшими. Идем же, идем отсюда.

— Я люблю ее, — заплакал Сизифос.

— Она придет в свое время, — сказал Танатос.

Сизифос провел ладонью по гладкой щеке Мериуп, ее глаза не мигали, а волосы не шевелились. Он поцеловал ее в щеку и взглянул на Смерть.

— Одно слово, — взмолился он. — Только одно слово.

Сердце Танатоса смягчилось. Как и его брат, он был добрым богом.

— Только одно мгновение, — сказал он.

Комната снова пришла в движение. Зажужжала муха, вспыхнуло в очаге пламя, возобновился гул беседы.

Король быстро пригнулся к плечу королевы и стал что-то горячо шептать ей на ухо. Ее небесно-голубые глаза расширились и наполнились слезами, она согласно кивала головой, а король все шептал и шептал. Танатос отвернулся, пока женщина плакала со своим мужем. Гробовая тишина воцарилась в собрании.

В следующее мгновение Танатос поднял свой посох, и тотчас же все в комнате остановилось.

— Пора идти, — сказал он.

— Мой повелитель, — подчинился король.

В тот же миг душа целомудренно вышла из тела, и, еще немного смущаясь, огляделась вокруг. Бог Смерти взял ее за руку и своим посохом раздвинул занавес, разделяющий два мира.

— Ой. — Только и произнес Сизифос, дрожа в темноте.

Танатос успокаивающе обнял его, и повел дальше.

Они пришли к широкой реке, мрачно несущей свои свинцовые бурливые воды. Здесь бог Смерти оставил Сизифоса одного. Сам он слишком надолго отвлекся от своих дел, и остальные его глаза и руки оставались в бездействии, ожидая указаний. Танатос сел на свой трон в преисподней, пристально вгляделся в серые вещие воды Стикса, и вот уже несколько его слуг направились к тонущему кораблю в Средиземном море, а другие к умирающему котенку в Александрию.

Он, брат Сна, всегда бодрствовал и был повсюду.

Ночь трижды сменила день, и Танатос, прекрасно отдохнувший, находился на дальнем берегу Стикса, собираясь отправиться в путешествие к землям Африки. Одна старая женщина громко призывала его оттуда. Вдруг какой-то печальный дух потянул его за рукав. Танатос взглянул сверху вниз и увидел заплаканное лицо Сизифоса.

— Все еще несчастлив? — спросил он душу. — Но в самом деле стоит тебе только расстаться с тем миром и пересечь реку... там луга, старые друзья. Да я не сомневаюсь, что твои родители и прародители страстно желают тебя видеть. Твоя жена придет в надлежащее ей время, и если ты пожелаешь, время пройдет очень быстро. Ты пока еще сильно привязан к Земле, и в этом твое несчастье.

— Я ничего не могу сделать, — заплакал король. — Моя жена не отпускает меня.

— Что?! Почему нет? — воскликнул Танатос, возмущаясь и одновременно ужасаясь.

— Ни похоронной церемонии, — сетовал дух, указывая рукой в сторону, противоположную серой реке, по которой плыла лодка паромщика, — ни поминального пира, ни прощания. Я привязан там, непогребенный пленник. О, властелин, позволь мне обитать призраком во дворце, пока моя жена не похоронит меня.

— Это закон, — согласился бог Смерти, сжавшись над ним. Он размышлял о женщине, чьи глаза были подобны синеве летнего неба, а волосы августовской зрелой пшенице. Жестоко, как жестоко, — думал он. — А ведь она так прекрасна.

— Иди, Сизифос, и обеспечь себе надлежащие похороны.

Танатос распахнул перед королем занавес между мирами и указал путь на Коринф. А сам поспешил к старой африканке, которая звала его, рыдая от боли, и он, сжавшись, явился очень быстро.

Дух Сизифоса улыбался, когда темной ночью он шел по рыночной площади и поднимался по ступеням дворца. Стражники вздрогнули, когда он проходил мимо них, хотя и не увидели его. Пламя факелов в коридорах затрепетало при его приближении.

В парадном зале на ложе из щитов, убранном с королевской пышностью, покоилось его тело. А рядом с ним, о боги, ее золотистые распущенные волосы, ее небесно-голубые, а теперь покрасневшие от долгих слез глаза; на коленях перед телом стояла Мироуп.

Смеясь, он коснулся ее плеча, но Мироуп не почувствовала прикосновения. Тогда дух Сизифоса вошел в собственное тело, настолько сильным оказалось его желание, и поднялся вместе с телом с погребального ложа, улыбаясь испуганной королеве.

— Господин! — закричала она, и он обнял ее, окончательно убедившись, что находится в собственном теле. Слезы сменились безудержным смехом.

Сбежавшиеся на шум слуги радостно хохотали вместе с ними. Мудрый король и его храбрая невеста! Перед самым носом у смерти они сговорились, что Мироуп не станет хоронить его тело.

— Отныне не впускать чужестранцев, — приказал Сизифос слугам.

Муж и жена поднялись в спальню, где на стенах танцевали голубые нарисованные дельфины, и всю ночь ярко горели факелы.

В Китае шла война. Она свирепствовала вниз и вверх по реке Янц-зы, уничтожая в огне деревни и города, возвышая одних и разоряя других. Бог Смерти и его слуги были заняты там.

В Индии разразилась чума. Вместе с раскаленным ветром она мчалась по городам, поражая первым делом скот, а затем и людей, которые кричали от боли. И бог Смерти, чье имя то и дело слышалось в Аду, спешил туда, прихватив с собой своих слуг.

Война была и в Германии, идущая вдоль лесов и рек, и проливавшаяся кровавым дождем в Галлии. Из года в год там продолжались столкновения.

Недремлющий Танатос редко появлялся в своём дворце, всё больше странствуя по дорогам Европы и горам Азии, появляясь то тут, то там в образе своих многочисленных слуг.

По прошествии многих лет он опять оказался на знакомой базарной площади Коринфа. Но теперь дети замирали перед ним в ужасе, а взрослые люди с криками бежали прочь.

— Почему вы бежите? — спросил он замешкавшегося торговца, припоминая свое предыдущее посещение, когда маленькие дети улыбались ему.

— Иди прочь, — сказал торговец. — Наш король не благоволит к чужестранцам.

— Это дурное гостеприимство, — сказал Танат. — Оно противоречит воле богов.

Но люди стали поднимать с земли камни, и Танатос, опечаленный, пошел прочь от них к ступеням королевского дворца. На ступенях по-прежнему сидел калека-нищий, только высохший и постаревший. Бог Смерти отвернулся от нищего, который смотрел на него долгим пристальным взглядом, и бросил ему монетку.

Стражники преградили ему вход алебардами. Но вид Танатоса сейчас был таким, каким его видел когда-то король, черные лохмотья, золотой обруч поверх темных бровей и глаза, горящие неведомым огнем.

Стражники в страхе расступились, оружие не коснулось его, и он в молчании прошел в первый зал. Его вел гнев, но в сердце zakралось любопытство: что за обычаи в этом городе, в котором не благоволят к чужестранцам?

Ярко горящие факелы освещали ему путь. Его фигура отбрасывала огромную тень на цветные изразцы, изображающие осьминогов и летучих рыб, когда он шел по лестницам и галереям, слышав шум веселого пира.

Он вошел в празднично освещенный зал, и его черная тень легла на белую скатерть не занятого гостями стола. Несколько факелов в зале разом погасли, мужчины и женщины перестали смеяться и в полной тишине повернули свои головы, чтобы посмотреть, что произошло, но они никого не увидели.

Только король поднялся со своего места, за его спиной встала взволнованная королева. Сизифос постарел, в его темных волосах появились серебряные пряди. Время не пощадило и золотоволосой королевы. Оно убило румянец на ее щеках, лишило прежнего блеска бездонные голубые глаза Метроуп.

Она умоляюще сложила руки. Но так и замерла. Застыли слова, готовые слететь с ее губ. Замерло все вокруг, за исключением Сизифоса.

— Сизифос, — хмуро произнес Танатос.

Но король словно не слышал. Его старческая рука тряслась, держа руку жены, а на глазах появились слезы.

— Ты же знаешь, как я люблю ее, — тихо прошептал он. — Я не могу с ней расстаться.

Всегда дружелюбный Танатос огорчился, глядя на него, его гнев утих.

— Ты получил жизнь, которую так хотел, человек. Довольствуйся этим. Идем. — Танатос вспомнил о старой королеве, какой она когда-то была. Он пожалел, что время коснулось ее. Смертные! Он всегда жалел их, сделавшихся добычей старости.

Однако дух Сизифоса воспротивился ему. Сильный и решительный, он не хотел покидать своего тела.

— Пойдем, — потребовал Танатос, начиная сердиться. — Ты и так уже украл у судьбы сорок лет. Ты победил меня. Идем же.

Внезапным порывом он потушил все огни и протянул к королю руки.

Но Сизифос оказался проворнее. Он сорвал с себя золотой пояс и начал чертить им в воздухе магическую фигуру желтого нарцисса. Бог Смерти вскрикнул от неожиданного вероломства, но было уже поздно, его заклипания разрушились. Королева первая закричала при виде бесплотного призрака, светящегося в темноте. Ей вторили остальные гости.

Среди гостей нашлись храбрые мужчины, которые во главе с королем схватили ослабевшего Танатоса и отнесли его в глубокий подвал, в котором хранились вино и оливковое масло. Там они сковали цепями его воздушное, но отнюдь не бесплотное тело и ушли, закрыв погреб на множество засовов и замков.

В далекой Испании кричал старик, призывая спасительную смерть. Но Танатос не мог ему ответить. На площади самого Коринфа визжала раздавленная повозкой собака. Ее визг подвергал мучительной пытке слух прохожих, и разрывал сердце самого бога Смерти.

Болезни и бесконечная старость наводнили мир. Тысячи людей корчились в страданиях, призывая долгожданную смерть.

Животные, птицы и насекомые размножались и множились без числа. Будучи съеденными или растерзанными, они не умирали, и только души их жалобно стонали, цепляясь за окровавленную плоть. Деревья и травы начали безудержно расти в толщину, их многочисленные семена проросли даже сквозь камни. Срублен-

ное дерево тотчас же давало новые корни. Улицы деревень и городов заросли, а по полям во множестве бродили старые животные, изгнанные своим молодым.

Войны шли без смертей. Смертельно раненные продолжали сражаться и страшно искалеченные бродили по миру, исходя криком в мучительной агонии. На всей земле не осталось ни одного места, не населенного ужасом и болью.

Бог Смерти, слыша все крики и молитвы, только беспомощно плакал.

В великом множестве размножились грызуны и паразиты. Они кормились зерном, только оно годилось теперь в пищу. Но они пожирала все, оставляя людей умирать от голода. Великий голод полз по городам и селам, а за ним, неистовствуя, следовала болезнь.

Бог Смерти уже не шевелился в своих путях.

Наконец верховные Боги всполошились, глядя вниз на воцарившийся на Земле хаос, и начали выяснять, что же произошло. Смертельно раненные и больные получили освобождение, но люди были слишком изнурены, чтобы свершать столь приятные Богам жертвоприношения. Что-то непоправимо нарушилось в привычном течение жизни.

Мудрейшие из богов вскоре проводили, что было утаено от мира, а именно мужчина, называемый среди людей смертью. Боги давно забыли павшего, низвергнутого под землю, вечного юного бога Смерти Танатоса. В его поисках они обшарили земные недра и морские глубины, они даже провели расследование среди змееподобных детей Тьмы, его двоюродных братьев. Но никто его не видел.

И тут из тишины, из затаенного безмолвия Сна выползло самое юное дитище Тьмы, Сновидение. Извиваясь по-змеиному, оно достигло мудрейших Богов и застенчиво шепнуло: «Сизифос».

Боги устремили свои всевидящие взоры к городу Коринфу, ко дворцу человека, именуемого Сизифосом. И там в глубоком подвале среди бочек с оливковым маслом они увидели рыдающего призрака. Боги сдвинули брови, и чудовищной силы землетрясение всколыхнуло Землю.

Подземные толчки один за другим потрясали город, рушились здания, люди в страхе сбивались в кучи. Король мгновенно понял, что произошло. Он посмотрел на королеву, затем нежно поцеловал ее и взял ключи.

Здание дворца содрогалось от подземных ударов. Сизифос с трудом добрался до подвала и открыл дверь. Он увидел связанного призрака, в страхе забившегося в угол. Вернее не самого

призрака, а узел теней, которые копошились в углу. Из этого клубка на короля смотрели недобрые разгневанные глаза. Змеиные очертания, казалось, были заточены здесь, и Сизифос вспомнил, что Танатос детеныш змеи.

— Дай мне десять лет, — попытался сторговаться король.

Танатос молчал. Пол содрогался все сильнее, широкие трещины поползли по каменной кладке, предвещая скорое крушение дворца. Сизифос затрепетал, вспомнив о королеве. Он вставил ключ в замок и снял цепи.

Танатос поднялся клубящейся тенью, от него повеяло холодом на распластавшего и дрожащего на полу Сизифоса.

Но это был смуглолицый добрый бог, и он коснулся его плеча и прошептал:

— Идем, храбрый Сизифос.

Сизифос поднялся, забыв свое тело в обвалившемся подвале, и вышел вслед за Танатосом на рыночную площадь. С приближением призрака все начало погибать: растения и животные обращались в прах, оставалась в живых лишь молодая поросль. Они подошли к рыночным воротам, возле которых сидел старый увечный нищий. Танатос мягко взял его за руку, и старик, улыбаясь, затрепетал. Его нетленная душа вырвалась на свободу и засверкала, пробуя свои силы, и поспешила вслед за ними на сильных молодых ногах.

Втроем они спустились к реке, где уже собрались тысячи шестлестящих духов, и перевозчик заторопился к своей оставленной лодке.

Спустя девять дней бог Смерти вспомнил о синеглазой королеве, и уже через три дня ее кроткий дух стоял за его троном на ближнем берегу реки.

Увидев ее, он улыбнулся. Она ответила ему понимающей и озорной улыбкой. Мироуп снова была молода. Август расцвел в ее волосах, прекрасное чудо во мраке преисподнии. Далеко отсюда были луга желтых нарциссов, синие озера и остроконечные вершины, служившие убежищем детям Тьмы. Она только начинала свое путешествие.

— Идем, — сказал Танатос и взял королеву за руку. Они шли во главе многотысячного союза, одним махом перешагивая через луга и синие горы.

Возле одной горы Танатос остановился. Вверх шла узкая извилистая тропа, и высоко по ней взбирался сильный молодой король, с трудом толкая перед собой огромный камень. Король тяжело дышал, его красная рубаша взмокла от пота, но он был решителен и терпелив. Он толкал камень ладонями, затем, когда

выбивался из сил, подпирал его плечом и переводил дыхание. Отдохнув, он снова наваливался на камень и толкал его дальше.

— Знай, что он получит свободу, — прошептал Танатос на ухо королеве. — Сразу, как только установит камень на вершине.

Он оставил ее у подножия горы. Добрый Бог видел, как Сизифос заметил королеву, удивленно зашевелил бровями и на мгновение забыл про камень. Тот с грохотом покатился вниз по тропе, подпрыгивая и переворачиваясь, и разбился вдребезги о дно преисподнии. Громкое эхо разнеслось по всем уголкам Ада. Король мгновение смотрел на рухнувший камень, а затем со смехом, породившим новое эхо, широко раскинув руки, бросился на встречу своей королеве.

Танатос улыбнулся и поспешил прочь со своим многотысячным союзом по бескрайним равнинам преисподнии к своему трону. Здесь он вспомнил о своих обязанностях, тотчас же воплотился в тсясячах и тысячах своих образов и украдкой вздохнул.

Гарднер Ф. ФОКС

ТЕНЬ ДЕМОНА

Он пришел в Ангалору из восточных пустынь, огромный воин в плаще из пятнистого меха, небрежно наброшенном на плетеную кольчугу, с ногами, обнаженными поверх военных сандалий, украшенных горностаевым мехом. Пришел с гнетущим предчувствием собственной гибели, ибо древняя пророчица предсказала ему, Ниллу Дальних странников, что он будет унесен из этого мира демонами, когда военные сандалии приведут его в старинный, погруженный в мрачное раздумие город.

И все-таки он пришел в Ангалору, ведомый своей несчастливой судьбой.

Нилл был наемником, торгующим мечом. Выходец из лесистых гор Норумбии и по природе своей бродяга, он зарабатывал на хлеб могуществом правой руки и мастерским умением сражаться. Он не боялся ни одной живой твари, будь то зверь или человек, но мысль о демонах заставила его содрогнуться.

Нилл остановился на вершине холма, разглядывая лежащий перед ним город.

Город был большой и старый. Настолько старый, словно стоял здесь с той поры, когда человек впервые научился ходить на двух ногах. Располагался он между рекой и пустыней, через которую шли торговые караваны, пробираясь из северного Сенсала на Юг, а из Угрика на Север. В небольшой речной гавани стояло несколько кораблей, пестрея разноцветными флагами.

Ангалора была городом колдуна Майлока.

Зловещий человек, Майлок. Ниллу случалось слышать о нем у лагерных костров и в придорожных тавернах, в которых мужчины пьют вино и смотрят на танцующих девчонок. Говорили, что он пользуется демонами, как ставками в азартной игре. Еще болтали, что в подземных тюрьмах и каменных лабиринтах сво-

его дворца Майлок хранит несметные сокровища, золото и серебро, бриллианты и рубины, изумруды и золотые сосуды, изготовленные руками знаменитых мастеров.

Нилл повел тяжелыми литыми плечами. Тревожно, как дикий зверь, незнающий, откуда ожидать опасности. Нужно идти в Ангалору, иного выхода не было, если он не хотел умереть от голода и жажды в пустыне, где нет ни одного оазиса, ни одного деревца, корни которого сгодились бы в пищу. Всего несколько дней назад нагловатого вида капитан предложил ему службу в наемных войсках. И он ехал в Угрик, чтобы присоединиться к черным орлиным знаменам славного Лурлира Манагора, когда вблизи Стиретианских холмов был внезапно атакован огромным разъяренным львом. Нилл убил рыжегривого красавца, но тот успел разодрать шею его лошади.

Пешим бы он никогда не добрался до Угрика, и зная это, направился к реке, текущей через эти земли. Там он надеялся найти лодку и уже на ней доплыть до Угрика.

Но скитания привели его к Ангалоре.

Нилл подтянул кожаную перевязь и тяжело усмехнулся городу. В Ангалоре его ждут еда и вино. Ему необходимо и то и другое, а возможно, еще и женщина, если удастся найти подходящую.

Ноги понесли его вниз по склону по направлению к береговым воротам. Нилл вовсе не был трусом, бесстрашие, с которым он ввязывался в любую схватку, порой удивляло его самого. Но безмолвие, царившее вокруг, отсутствие людей и птиц над городом, казалось, угрожали демонами. Не очень-то он доверял болтовне уличных предсказателей. Но старая Таллия была не совсем обычной гадалкой.

Нилл познакомился с Таллией в Кассамунде, где вел переговоры с капитаном наемников. Старая женщина, одетая в пестрые лохмотья, она несла в руках маленькую сумочку, которая звенела при каждом неосторожном движении. Нилл оказался поблизости, когда два головореза попытались ограбить ее. Защищая нищенку, орудуя своими огромными кулаками, он избил мародеров до беспамятства.

Старая Таллия была благодарна. В сумочке хранились все ее богатства, несколько монет и драгоценных камней, бережно сберегаемых на случай крайней нужды. В этот вечер Нилл проводил старую женщину до дверей ее комнаты наверху таверны. Таллия пригласила наемника зайти и выпить немного вина и тогда же она предсказала его судьбу.

— Остерегайся Ангалоры, — прошептала она, ее подслеповатые глаза расширились и наполнились слезами. — Бойся демонов,

которые служат колдуну Майлоку. Они схватят тебя и унесут с собой. И — нет возврата из дьявольской страны.

Береговые ворота, оказавшиеся закрытыми, отбрасывали мрачные пополуденные тени. В это время дня в городе уже не ждали караванов, и стражники скучали на стенах, борясь с закатной полудремой. Никем не замеченный, Нилл прокричал наверх, что он чужеземец и нуждается в еде и питье, а также мечтает о крове, где сможет преклонить голову.

Спустя некоторое время маленькая дверь в воротах скрипуче отворилась, и два воина со знаками отличия Ангалоры хмуро и подозрительно уставились на него. Нилл усмехнулся и двинулся на них.

— Нужно уплатить пошлину, — сказал один из стражников. — Уже прошло то время, до которого мы впускаем путников.

Наемник пожал плечами. Но у него не было ни малейшего желания оставаться по ту сторону высоких каменных стен, зная, что внутри его ожидает все, в чем так отчаянно нуждается его желудок. Огромной рукой Нилл нащупал в кожаном кошельке несколько монет, извлек их и переправил в протянутые ладони. При этом зловонный дух взяточничества ударил ему в ноздри, но просящему не приходится выбирать.

Нилл двинулся вдоль булыжной мостовой, оглядываясь по сторонам в надежде найти таверну с ее долгожданным теплом и весельем. Однако ему попадались дома, больше походившие на товарные склады. Без единого намека на жареное мясо или запах охлажденного вина.

Город был чужим, и поэтому Нилл вскоре заблудился, петляя по темным узким улочкам и то и дело попадая в тупики. Он остро чувствовал, как голод и жажда усиливаются с наступлением темноты.

И вдруг в тесном проходе между домами, которые, казалось, слиплись своими стенами, в серых сумерках догоравшего дня он увидел девушку. Ее кожаные лохмотья развевались от ветра, дувшего с реки, открывая длинные красивые ноги. Черные как смоль волосы ниспадали до бедер. Она спокойно взглянула на Нилла, отделившегося от стены позади нее.

Нилл ухмыльнулся.

— Похоже, ты тоже заблудилась.

Зеленые глаза изучали его.

— Я не заблудилась и знаю свою дорогу, — ответила она и добавила почти угрожающе: — Туда, куда мне хочется идти.

— К чему торопиться?

Теперь уже Нилл рассматривал ее кожаную тунику, больше напоминавшую лохмотья со следами подтеков и пятен.

— Пойдем, поедим вместе. Я заплачу. Я дам тебе столько вина, сколько ты сможешь выпить.

Взгляд зеленых глаз смягчился. Но голос девушки оставался холодным.

— Иди своей дорогой, наемник. А мне позволь идти моей.

Нилл усмехнулся. В сущности, ему мало дела до того, пойдет она с ним или нет. Однако она была довольно хорошенькой, с мягко очерченным ртом и вздернутым носиком. С такой можно неплохо провести ночь, а потом взять ее с собой в Угрик, и там, если повезет, купить ей приличную одежду.

Он пошел прочь, держа в голове ее образ. Но не пройдя и двух десятков шагов, остановился, услышав за спиной подозрительный шум.

Из боковой аллеи вышли четверо вооруженных мужчин и двинулись в сторону девушки. Увидев их, она отпрянула назад, но не побежала, оставаясь стоять на месте.

— А ну, пошли, — сказал один из них, протягивая к ней руки. Наемник обернулся и ждал.

— Нет, — прошептала она. — Я знаю тебя, ты служишь Майлоку. Опять колдуну нужна женская кровь для его заклинаний?

Они прыгнули разом, все четверо, и девушка исчезла за их спинами. Нилл глухо зарычал. Он рванулся назад, даже не позаботившись о том, чтобы вытащить свой меч. Один его кулак был в силах столкнуться с этой падалью. Он схватил первого, скрутил его и несколькими расчетливыми ударами превратил его нос в мягкую липкую массу. Голову второго он с размаху вколотил в каменную стену так, что бедняга даже не пошевелился. Остальные двое выхватили свои клинки и встали в боевые позиции, угрожающе размахивая ими. Нилл кротко улыбнулся, положил ладонь на рукоятку и вытащил Кровопийцу. Не так уж много добра у наемника, разве что меч, который был выкован очень давно и далеко отсюда. Нилл нашел его в могиле, которую ограбил в молодости. Этим клинком его наградила сама Судьба, и он никогда с ним не разлучался.

Он дрался стремительно и страшно, Нилл Дальних Странников. Ловко защищаясь, беспрестанно нападал и, нанося тяжелые удары, теснил своих соперников до тех пор, пока те не оказались прижатыми к стене. И там он проткнул их насквозь.

Девушка все это время стояла не шевелясь и смотрела так же презрительно. На мгновение Ниллу показалось, что было бы лучше, если бы она убежала. Вытирая клинок, он проговорил:

— Чего ты ждешь? Зачем осталась?

— Ты дурак, — выдохнула она. — Ты сумасшедший.

Она затопала ногами, обутыми в рваные сандалии. Ее внезапный гнев ошарашил Нилла.

— Или Эмелкарта похитила твой разум, или ты хотела пойти с этими мужчинами, чтобы из тебя высосали всю кровь для колдовства Майлока...

Она прикрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Тебе этого не понять. Ты всего лишь обыкновенный воин. И кроме того, что ты знаешь об Эмелкарте?

— Только то, что она мать демонов. Говорят, демоны выполняют ее желания, как приказы.

— Я молю ее об отмщении.

— Возможно, она услышит твои молитвы. Она ведь зло-
радная.

— Это правда, воин? Хотя... Пусть будет так, и тогда Эмелкарта согласится отомстить за меня Майлоку.

Нилл взял девушку за руку и потянул за собой.

— Расскажи мне об этом. Возможно, я смогу тебе помочь. Хотя и не люблю колдунов, и обычно держусь от них подальше.

Она пошла за ним довольно охотно и лишь напоследок метнула быстрый взгляд в сторону потерпевших. Один из них еще слабо шевелился, трое других лежали у стены в лужах собственной крови. Была ли это только его, Нилла, фантазия? Или действительно ее лицо выразило легкое сожаление?

— Кто ты? Откуда ты? — спросил он.

Зеленые глаза взглянули на него из-под длинных черных ресниц.

— Зови меня Луиза. И — какое это имеет значение, откуда я?

— Только не для меня, — хихикнул наемник. — Ты голодна или, может, хочешь пить?

Его взгляд скользнул по бедной кожаной тунике, едва прикрывавшей ее тело. Кошелек у нее не было. Не считая лохмотьев и рваных сандалий, на девушке был только веревочный пояс, повязанный вокруг тонкой талии. Ветер с реки посвежел, и Луиза начала дрожать.

— Сейчас мы найдем таверну, — сказал он. — Там ты поешь горячего мяса и выпьешь немного калларианского вина.

— Это мало поможет, — пробормотала она.

Нилл усмехнулся. Он знал девчонок, подобных этой. Однако идя с ней по освещенным улицам, он не заметил, что пламя факелов отбрасывало только его тень. У девушки тени не было.

Таверна приютилась на задворках складов. В ней было тепло и шумно. На дубовых скамьях за широкими столами сидели моряки с Азтакликского моря, странники из западных земель и многочисленные наемники. В проходах между столами ходили растрепанные женщины, подсаживались к тем, кто их приглашал, и охотно присоединялись к выпивке. В большом камине ярко, со зловещим треском, горели дрова, отбрасывая алые блики на сидящих поодаль.

Нил подтолкнул Луизу к свободной скамье и подозвал служанку.

— Свежее мясо и калларианское, — сказал он и взглянул на Луизу.

Девушка осматривалась вокруг с широко открытыми глазами. Было похоже, что до этого она никогда не бывала в подобном приюте.

— Итак, ты ищешь возможности отомстить Майлоку, — произнес Нилл, как можно тише. — Но почему? Что он тебе сделал?

Зеленые глаза взметнулись к нему.

— Он взял то, что ему не принадлежало, и не потрудился заплатить за это. Но еще заплатит.

— Что за ценностью ты обладала?

Кожаная туника на девушке была выцветшая и грязная. Нилл мог поклясться на мече Богов войны, что она бедна, как церковная мышь.

Луиза усмехнулась:

— Тебе этого не понять.

Какая-то сила, идущая от этих зеленых глаз, заставила Нилла прошептать:

— Хочешь, я помогу тебе? Хотя и не люблю колдунов.

Луиза внезапно улыбнулась. Ее глаза потеплели.

— Мне не нужна твоя помощь. Тем не менее, спасибо.

Нилл нахмурился.

— Ходят слухи, — начал он, — что никто не может застать колдуна врасплох. Он наложил заклятия на все двери и окна своего дворца. И только по его воле может мужчина или женщина войти в эту крепость.

— Это весьма похоже на правду.

— Ты все еще уверена, что сможешь отомстить ему? Безоружная и — к тому же беззащитная? У тебя нет даже денег, чтобы подкупить стражу.

— Я не нуждаюсь ни в деньгах, ни в оружии. А вот и твоя еда. Ешь.

Нилл взглянул на нее с удивлением. В ее манере говорить чувствовалась властность, казалось, ожидавшая повиновения. Со стороны это выглядело так, будто она была переодетой принцессой. Нилл внезапно смутился. У него не было опыта общения с людьми королевской крови. Служанки и уличные девки были ему намного ближе.

Он молча ел вкусное мясо, разрезая его ножом и жадно переправляя в рот истекающие кровью куски. Затем он предложил нож Луизе и украдкой наблюдал, как она изящно ест. Нилл наполнил вином кожаный мех, выпил его до дна и снова налил.

Луиза пила умеренно, словно не вполне доверяя калларианскому. Нилл и раньше заметил, что она ведет себя чересчур осторожно. Видимо, она опасалась, что он потащит ее в постель. Что ж?! Именно так он и собирался поступить. И поэтому не винил ее за бдительные взгляды.

О боги! Она хорошенькая штучка, и у нее превосходная фигура, которую не может скрыть эта жалкая туника. Она будет забавной, когда его руки обнимут ее. И если она действительно окажется забавной, он возьмет ее с собой в Угрик.

Почти обнаженные женщины вышли на освещенное место и начали танцевать. Нилл прямо-таки разрывался на части между танцовщицами и Луизой, на хорошеньком личике которой легко читалось холодное презрение. Когда слышались аплодисменты, девушка насмешливо фыркнула, и Нилл придвинулся к ней поближе.

— Я полагаю, ты можешь лучше?

— Я сведу тебя с ума, если станцую.

Она произнесла эти слова спокойно. Но в ее устах они звучали правдоподобно. Нилл неловко заерзал по скамейке. Вокруг этой девчонки была какая-то тайна. Нилл кожей чувствовал это. Она совершенно не походила на других женщин, которых он встречал за время своих странствий, веселых потаскушек, готовых расстаться за хороший ужин и несколько стаканов вина. И Нилл невольно пожалел об этом.

— Ты останешься со мной этой ночью? — спросил он наконец. — Уже поздно, а у Майлока, должно быть, немало людей, рыскающих по улицам.

— Хорошо. Я останусь, — кивнула она.

Нилл расплатился за ужин своей последней золотой монетой и, получив сдачу серебром, направился вслед за Луизой в верхние комнаты таверны.

В комнате, которую он выбрал, стояли кровать и умывальник. В единственном окне, тускло поблескивая, мерцали звезды. Сре-

ди них был отчетливо виден сияющий круг материи, который, по словам мудрецов, остался от прежней Луны. Когда-то она вращалась вокруг Земли, но погибла еще до сотворения жизни, будучи схваченной и раздавленной тяжестью неба. Нилл отстегнул меч, выскользнул из кольчуги и сбросил военные сандалии.

Затем он лег на кровать и поманил девушку.

— Иди сюда, Луиза. Я хочу испытать сладость твоих губ.

К его удивлению Луиза подошла и присела на край постели. Она ласково потянулась к нему, словно желая его поцеловать. И в этот миг Нилл увидел огромные зеленые глаза, которые, казалось, схватили и не отпускали его. При этом они увеличивались и увеличивались, пока не заполнили всю комнату.

— Спи, Нилл Дальних Странников, — приказали глаза. — Спи.

Нилл уснул и увидел сон.

Ему снилось, что он сидит на троне в каменном зале. Зал был темным за исключением круга, освещенного факелами, горящими в массивных подсвечниках. В центре круга танцевала Луиза. Она танцевала обнаженной, и ее тело казалось мертвенно-бледным и возбуждающе чувственным. Она была само вожделение. Самые смелые мечты мужчины, все его желания воплотились в ней, могущей утолить его животную страсть.

В этом сне Нилл жаждал ее плоти, но не мог сойти с трона, который, казалось, тянул его назад. Он простирал к ней руки и молил подойти к нему. Она была лакомое обещание, прошептанное на ухо, воплощение самого обольщения. Девушка кружилась и нагибалась, пританцовывала и извивалась, доводя его до безумия.

Нилл проснулся с первыми лучами рассвета и тяжело вздохнул. Он был еще во власти чудесного сна. Его глаза забегали по комнате в поисках девушки. Но Луизы здесь не было.

Наемник встряхнулся, как косматый горный медведь, просыпаясь от зимней спячки. Вздыхая и изрыгая проклятия, он добрел до умывальника и вылил холодную воду из кувшина себе на голову. Вода подействовала освежающе. Нилл поднял голову и посмотрел в окно.

Она была в этом городе. Ему даже показалось, что он знает куда она пошла. Отсюда он не мог видеть дворца Майлока, но был уверен, что найдет ее там. Он взял меч и пристегнул его на пояс. И тут его внимание привлек поток света, струившийся из уголков его собственных глаз. Нилл посмотрел в надтреснутое зеркало и увидел свое лицо.

Его кожа стала бронзовой. Черные волосы свисали почти до плеч. Белый шрам пересекал темную, словно от загара щеку. Воин Великого Хана, который ранил его, поплатился жизнью за этот рубец. Плечи Нилла были настолько широкими, что он с трудом протиснулся в дверь.

Да, он был всего лишь наемником, торгующим мечом. Однако он имел понятие о чести. Этой ночью Луиза дала ему обещание или почти что дала. Он пойдет, чтобы найти ее и вернуть обратно в эту таверну. И тогда он бросит ее на мягкую постель. Варвар хихикнул. Только не надо больше смотреть ей в глаза. Нет. Уж лучше завязать свои.

Он позавтракал в общей комнате, составляя в голове план. Луиза хотела отомстить Майлоку. Единственным местом, где она могла это сделать, был его дворец. Он пойдет туда и найдя беглянку, вынесет ее прочь на своих плечах.

С тревогой наемник вспомнил о старой Таллии и ее предсказании. Демоны унесут его из Ангалоры. Но ведь колдун прежде, чем призвать демонов, постарается наложить на Нилла заклятия. А тем временем умрет.

Наемник вышел на солнечный свет и пошел по древним улицам города, придерживаясь направления на серую громаду крепости, высившуюся на берегу реки. Это и был дворец Майлока. Он располагался внутри городской стены, но имел свою собственную ограду, окружавшую замок и прилегающий к нему сад. Здесь Нилл остановился и внимательно осмотрел стену.

Он достаточно легко мог одолеть ее. Но что его ждет на той стороне, когда он спрыгнет вниз? Зачем подвергаться опасности, если существует иной, более надежный вход? Майлок наверняка имеет охрану. И, возможно, большие Сторожевые псы постараются стащить вниз любого незваного гостя и навряд ли забудут его растерзать.

Входом в замок служила огромная дубовая дверь, вросшая в булыжную мостовую. Нилл, помедлив, двинулся к ней и постучал по обшивке рукояткой кинжала.

Через некоторое время дверь отворилась. На пороге стояли два стражника с обнаженными мечами в руках и хмуро глядели на Нилла.

— Что тебе нужно у стен Майлока, чужестранец? — спросил тот, что был покрупнее.

— Денег, чтобы наполнить кошельки.

Нилл ухмыльнулся и потряс кожаным мешочком так, чтобы они услышали, как звенят несколько монет.

— Я слышал, что колдун хорошо платит. — Его взгляд скользнул по их толстым фигурам. — Еще люди говорят, что те, кто работает на Майлока, едят только свежее мясо, паштеты и пьют вино вместо воды.

— У Майлока достаточно слуг.

— Но не таких, как я.

Стражники поспешили закрыть дверь, но Нилл помешал им сделать это. Выставив вперед свою могучую руку, он удерживал дверь открытой. Внутри аккуратно подстриженные газоны и тщательно ухоженные кусты имели вид внешнего парка. Сама ограда оказалась неожиданно широкой. Вероятно, между внутренней и внешней стеной должны были находиться комнаты.

На подмогу к двум первым стражникам подоспели остальные. Но Нилл, который еще никогда не доходил до пределов своей силы, по-прежнему легко сдерживал усилия четверых.

— Ну что ж, насильно мил не будешь, — пробормотал он и отпустил дверь.

Дверь с треском захлопнулась. Нилл усмехнулся. Он увидел достаточно. Когда в Ангалоре стемнеет, он вернется. И уж тогда найдет способ проникнуть внутрь.

Наемник обошел замок и увидел высокое дерево, которое росло с наружной стороны ограды. Его раскидистые ветви почти касались парапета. Ловкий человек без труда мог забраться на дерево и пройти по толстым ветвям. А там оставалось только хорошо прыгнуть. И он сделает это.

Насвистывая, Нилл вышел из города и направился к причалам, где шла погрузка на корабли. Он понаблюдал за ней, грея спину в солнечных лучах, а затем вступил в разговор с двумя моряками, жующими фрукты.

— Ваши ребята работают усердно, — заметил он.

— Так ведь это Ангалора. Чем быстрее смотаемся отсюда, тем лучше.

Нилл подумал и насмешливо спросил:

— Из-за Майлока?

— Из-за него. Этот колдун, словно паук в своей паутине: выглядывает наружу и хватается все, что пожелает, будь то золото или серебро, мужчина или женщина. Может, и сейчас он слышит нас.

— Я пытался получить у него работу.

— Радуйся, раз не получил. Ты пошел бы на корм его дьявольским собакам.

— А мог бы я уплыть с вами? Мне нужно в Угрик на Севере.

— Мы поднимаем якорь завтра на рассвете. Спроси капитана корабля, что идет в Хиссоп, граничащий с холодными странами. Мы делаем остановку в Угрике.

Нилл перекусил в таверне на берегу. Его уши питались разговорами, тогда как рот смаковал кама-рыбу, приправленную луком и пряностями.

Он слышал, как один моряк рассказывал, будто видел красивую девушку, которую на рассвете втолкнули в дверь ограды Майлока; девушку в рваной тунике и с черными волосами почти до бедер. Ее держали за руки и принуждали идти шестеро мужчин.

— Теперь она мертва, — сказал кто-то тихо.

— Жаль, она была красавица.

Нилл ничем не выдал ярости, бушевавшей у него внутри. О боги! Она сумасшедшая. Но он до-прежнему желал ее. Если бы она провела ночь в его объятиях, то была бы жива теперь и — счастлива.

Конечно, Луизу уже не спасти. Но, возможно, он найдет способ отомстить за нее.

Он сидел на причале и смотрел на закат, говоря себе, что поступает не менее глупо, чем Луиза. Старая Таллия предупреждала о демонах, которые унесут его из Ангалоры. Насколько же благоразумнее было бы сейчас пойти на корабль, идущий в Хиссоп, хорошенько выспаться на висячей койке и — забыть Луизу.

Однако никто еще не восхвалял его мудрости.

Когда причалы погрузились в полную темноту, не считая робкого света звезд, Нилл пошел. Он не торопился; в самом деле, у него не было особой охоты карабкаться на эту стену. Он предпочел бы более достойный способ умереть, нежели быть пойманным демонами. Тем не менее! Человек должен делать то, что считает нужным.

Дерево было большим, но мускулы Нилла легко подняли его по толстому стволу и между тяжелых ветвей, словно он был обезьяной из джунглей Поранги. Он взобрался на ветку, которую запомнил еще утром, и остановился.

Сад был темным, стена пустая. Свет горел только во дворце. Наемник мог видеть зажженные факелы и свечи сквозь полуоткрытые окна. В какой-то момент Ниллу показалось, что он слышит чьи-то предсмертные крики, приглушенные расстоянием и каменными стенами. Он поспешил вперед по раскачивающейся ветке, оттолкнулся и прыгнул.

Мгновение он был в воздухе, затем повис, уцепившись обеими

руками за шероховатые камни, и подтянулся на парапет; там он залег ничком и прислушался.

В саду не было ни души. Это могло оказаться ловушкой, но до сих пор Ниллу удавалось их избегать. И если по случайности Луиза еще жива, он вынесет ее из этой груды камней и увезет в Угрик. Он извлек Кровопийцу из ножен и убедился, что его ораввианский кинжал жакже на месте, а затем скользнул вниз на землю под прикрытие зубчатых теней.

Насколько он мог судить, ни один часовой не прохаживался по стенам или в саду. Почему же так? Или эти дорожки охраняют ужасные демоны, подстерегая несчастную жертву? Майлок мог позволить себе такую прихоть — держать демонов вместо сторожевых собак.

Он медленно двигался вдоль стены. Немного дальше к стене примыкал маленький сарайчик с единственной дверью. Нилл беззвучно толкнул дверь и шагнул в крошечную тьму. Он спускался по стертým ступеням; его военные сандалии ступали совершенно бесшумно; ни меч, ни кольчуга не звенели и только волосы на подбородке ошетинились.

Все оказалось слишком просто!

Почему не поднимают тревоги? Колдун ведь отнюдь не проstack. Он должен был знать, что рассказы о его несметных сокровищах привлекут сюда немало воров и грабителей. Замок должен охраняться. Но какую стражей, Нилл не понимал.

Ни людей, ни собак он не боялся. Его пугала мысль о демонах. Рано или поздно он встретит этих мерзких тварей и ему придется бороться с ними за свою жизнь.

Нилл продолжал спускаться вниз по ветхим ступеням узкого туннеля, который, должно быть, проходил под садом. Где-то вдалеке слышался шум падающей воды, а совсем близко — царапанье крысиных когтей. Но крысиных ли?!

Нилл поднял Кровопийцу и теперь шел, держа его перед собой, как слепец носит свой деревянный посох. Повсюду царил мрак, наемник двигался наощупь, пребывая в угнетенном состоянии духа; и тут, повернув за угол, он увидел перед собой неясные отблески красноватого света.

Свет едва теплился. Трепещущий и мерцающий, он казался крошечным уголком Одиннадцати кругов Ада Эмелкарты, который чудом уничтожил преграду, отделявшую его от мира людей. Нилл глухо заворчал и двинулся на свет этого странного маяка.

Он оказался на пороге комнаты с низкими сводами; ее стены изобиловали великолепием пылающих факелов, расположенных на каменных выступях. В центре на возвышении с ведущими к

нему ступенями стоял резной вращающийся алтарь. На гладкой поверхности этого места поклонения черной магии лежала обнаженная женщина.

Нилл сделал шаг вперед, затем еще один. Сдавленный крик вырвался из его груди. Это безжизненное тело, приковавшее его взгляд, принадлежало

— Луизе.

Она лежала мертвая и неподвижная, с рукой, безвольно свисавшей с алтаря. Ее глаза были широко открыты и пристально смотрели вверх на низкий свод, испещренный чужеродными письменами и знаками планет. Ее волосы казались еще темнее от влаги. Кожа приобрела мертвенно-бледный оттенок. Нет! Более того. Ее гладкая кожа была настолько белой, а глаза — наполненными болью, будто из нее высосали всю кровь до последней капли.

Нилл свирепо огляделся и поднял меч, готовый убить любого, виновного в смерти Луизы. Но врага здесь не было. Комната показалась ему похожей на склеп, и только его дыхание нарушало эту тишину.

Нилл вновь посмотрел на Луизу, прекрасную даже в смерти. Ее губы утратили свой алый цвет, и щеки лишились румянца, однако следы красоты словно медлили покинуть это лицо, при виде которого что-то обрывалось и рушилось внутри Нилла. Они сняли с Луизы ее рваную кожаную тунику. Ее тело было нагим. Она уходила из этого мира такой, какой пришла в него.

— Он заплатит за ее жизнь, — прошептал он. — Любым способом я заставлю его заплатить.

Нилл коснулся руки Луизы и, ощутив безжизненный холод тела, пошел, минуя алтарь, к полуоткрытой двери, ведущей в следующий туннель. Узкий проход освещался факелами, расположенными на одинаковом расстоянии друг от друга. Наемнику показалось, что коридор пуст. Или только показалось?

Пока он шел, глаза его, привыкшие блуждать в темноте, вдруг стали различать какую-то тень, которая крадучись шла за ним. Иногда она вырывалась вперед и тогда начинала изгибаться и пританцовывать, словно призывая наемника идти за собой. Нилл сдавленно рычал, но продолжал идти вслед за тенью, ведомый одним желанием — убить Майлока. Ничто меньшее не могло насытить его жажды мщения, жажды, переполнявшей его сердце.

Нилл подошел к витой лестнице и остановился. Тень, которая была уже наверху, подняла руку, будто приглашая его идти дальше. С глухим ворчанием Нилл взбежал по ступеням, держа наготове Кровопийцу и ворвался в огромную залу.

Воин невольно замер на месте при виде больших светящихся шаров и кроваво-красной пылающей пентаграммы, внутри которой стоял высокий мужчина, облаченный в пурпурные одеяния с вышитыми на них золотыми символами дьявольского мира. Суровый и беспощадный, стоял некромант. Его лицо было бледным, голый череп скрывался под низко надвинутым капюшоном. На тонких хищных губах блуждала мрачная улыбка.

— Добро пожаловать, Нилл Дальних Странников. Я ждал тебя с тех пор, как ты вошел в городские ворота. Уже два дня тому назад.

— Ты убил Луизу. И ты умрешь за это!

— Я, Дальний Странник? Смотри!

Из висящих шаров стремительно вышли огромные воины в кованых кольчугах, вооруженные мечами и булавами, топорами и молотами. Они мгновенно обрушились на Нилла. Их оружие стало красным при свете горящих шаров. Нилл взревел и бросился им навстречу.

Началось то, для чего он был рожден: сражаться, убивать, орудовать мечом, словно это — коса самой Смерти. Возможно, Нилл был как-то связан с этой старухой. Ибо там свирепствовала Смерть, где рубил и полосовал его меч. С диким ревом и хохотом он отражал удары и прогывал своим клинком шею.

Нилл был в центре кольца атакующих. Вихревой и стремительный, он уходил от ударов булав и топоров, давая полную волю Кровопийце на уголованном ему пиршестве плоти. Нилл сражался не как обыкновенный человек, который осторожно и осмотрительно парирует удары и только затем отвечает на них.

Нет! Мало того! Когда сражался Нилл, он стремился только убивать. С широко раскрытыми глазами, только опустив свой клинок, он тотчас же поднимал его, чтобы ударить снова.

Его прыжки были прыжками пантеры. Его рев — львиным рыком. Противники отступали перед бешеной атакой его клинка. Они умирали, встретившись с ним, либо отступали прочь. Иногда меч или топор задевали Нилла, но чаще он избегал их ударов.

Краем глаза Нилл видел Майлока, который беспокойно ходил возле пентаграммы, криками подбадривая свою стражу. Колдуна обуял страх. Он никогда не видел воина, сражавшегося как Нилл — с безрассудным равнодушием к опасности, заботясь лишь о том, чтобы убивать каждого, до кого дотягивается его клинок.

Новые воины устремились на помощь к первым из дальних светящихся шаров. Они окружили Нилла, дставляя свои тела под его клинок, подбираясь к нему все ближе и ближе. Сколь-

зящий удар топора пришелся наемнику по голове. Булава, тяжело обрушилась на плечо, на миг выбила клинок.

Кольцо нападающих вокруг Нилла сомкнулось. Не имея больше возможности действовать мечом, он оставил Кровопийцу и выхватил оррavianский кинжал. Он вонзал его в грудь, шею или живот противника, а другой рукой хватал за горло и душил его.

Но даже его огромные мускулы устали после трех с лишним часов битвы. Повсюду лежали мертвые. Военные сандалии Нилла скользили в лужах крови. Еще раз булава тяжело ударила его по руке, снова плоскость клинка опустилась на его череп. Нилл рухнул на колени. Кто-то за его спиной размахнулся боевым молотом и поверг его на землю.

Нилл лежал почти без сознания. Его держали обессилившие окровавленные люди. Они тяжело дышали и всхлипывали от усталости. Словно сквозь сон Нилл увидел Майлока, который подошел и склонился над ним.

— Ни один воин не сражается как ты, Дальний Странник, — ликующе произнес колдун. — Из твоей крови выйдет замечательный эликсир. Отнесите его в подземелье, — обратился он к слугам. — И прикуйте там до поры до времени.

Стражники с трудом подняли еще сопротивлявшегося Нилла и потащили прочь из комнаты заклинаний. Они спустились вниз по стертым ступеням в глубокие ямы под дворцом, где смрад от разлагающейся плоти соперничал по силе со стонами заключенных там мужчин и женщин, корчившихся в муках от гниющих ран.

Слуги приковали Нилла толстыми цепями, вбитыми в каменную стену, распяв его так, что руки, казалось, вырывались из подмышечных впадин. Его ноги едва касались земли, что причиняло ему невыносимые страдания. Полюбовавшись своей работой, стражники принялись издеваться над Ниллом.

— Колдун заплатит тебе за наши раны, — с усмешкой произнес один из них. По его рассеченному лицу текла кровь.

— Однажды, — добавил другой, — он зажарил живьем человека. Он две недели время от времени подпаливал его.

— А с тех, кто особенно непочтителен к нему, он по месяцам сдирает кожу.

Они жестоко избили Нилла, однако тот держался стойче, свирепо глядя на них широко раскрытыми глазами. Стражник, который нес его кинжал и Кровопийцу, с притворным смехом вложил их в ножны.

— Я оставляю их здесь с тобой, но там, где ты не сможешь их достать. Это усилит твои мучения: находиться так близко к оружию и не смочь им воспользоваться.

Наконец они ушли, оставив его одного в сырой темноте, где только далекие факелы давали немного света. Нилл опустил голову и только сейчас почувствовал боль от нанесенных ему ран. К тому же его начинала мучить жажда, иссушившая горло и язык.

Нилл изо всех сил рванулся из цепей, но они оказались прочно прибитыми к стене. Тогда он попытался встать на ноги, но ему мешали кандалы, которые врезались в его мощные запястья. Вскоре наемник затих и устался в темноту, бормоча проклятия.

Он начал задремал, когда появились крысы. Серые чудовища, стоя на задних лапах норовили укусить его за обнаженные голени. Нилл, как мог, отбивался от них ногами, и ему удалось убить несколько животных. Остальные, гонимые голодом и злобой, отступили лишь на время. Откуда-то издалека до него доносились стоны мужчин и женщин, и он знал, что Майлок наслаждается их страданиями.

От мысли, что настанет и его черед, Нилл поморщился. Он не боялся смерти, но смерти достойной. пытки же были ему отвратительны. Его охватила ярость на колдуна. Она сжигала его изнутри, и огромное тело наемника дрожало в кандалах так, что звенели цепи.

Вдруг что-то легкое как пух коснулось его, прикоснулось нежно и робко-ласково. Усталость сошла на Нилла. Он повис на цепях и уснул. Ни одна крыса не приходила теперь, чтобы укусить его. Он не слышал воплей умирающих женщин и мужчин; глубокоим был его сон и — полным сновидений.

Нилл очнулся, не зная, сколько времени он проспал. Сон освежил и укрепил его силы. И хотя он чувствовал боль в запястьях, где кандалы держали его обмягшее тело, он словно обрел прежнюю мощь и стоял теперь гордо и вызывающе. Далекие факелы еще горели. Но их тусклый и неровный свет не давал Ниллу возможности оглядеться получше.

И вновь эта робкая нежность коснулась его. На этот раз Нилл посмотрел в сторону, и дрожь пробежала по его телу. Тень была с ним!

Она была немного светлее глубокой темноты подземелья, и Нилл смог различить ее. Был ли это демон, посланный Майлоком, чтобы доставить ему невообразимые мучения? — Навряд ли. Но если и так, то Нилл ничего не мог сделать, и поэтому лишь пристально смотрел на тень.

Он взгляделся и тогда, хотя и смутно, увидел большие зеленоватые глаза в этих неясных очертаниях.

Наемник встряхнулся, зазвенев цепями.

— Кто ты? — проскрежетал он. — Кто?

Тень не ответила. Она протянула к нему руку, оканчивавшуюся тенью ладони, и тонкие кончики ее пальцев засветились зеленоватым огнем.

Дальний Странник понял, что пришла его пора мучений. Проклятие Майлоку!

Зеленые подушечки коснулись его кандалов.

И там, где были оковы, остался только ржавый порошок. Порошок рассыпался, цепи упали, и левая рука Нилла оказалась на свободе. Снова двинулись зеленые подушечки, притронулись к остальным оковам, и мгновение спустя Нилл отошел от каменной стены.

— Благодарю, — усмехнулся он. — Кто же ты?

Тень пританцовывала перед ним, как бы предлагая уйти прочь от этого места. Наемник проверил кинжал и Кровопицу, а потом двинулся вслед за ней.

Тень скользила впереди, почти танцуя в своем рвении. Как и в первый раз она звала Нилла идти за собой. Но поведение тени было совсем другим. Если раньше она кралась, то теперь скакала, извивалась и качалась — более грациозно, чем настоящие танцовщицы. Она напоминала Ниллу о том сне, в котором для него танцевала Луиза.

Они пришли в небольшую комнату, всю стену которой занимала огромная дубовая дверь. Зеленые подушечки прикоснулись к железным замкам и засовам, и они тотчас же обратились в прах. Нилл навалился плечом на тяжелую дверь и с трудом открыл ее.

Он увидел гору сундуков, сундучков и маленьких шкатулок, взгроможденных друг на друга и расставленных по всему полу. Тень указала жестом на некоторые из них, и Нилл поднял деревянные крышки.

В одной из шкатулок он нашел сложенные высокой горкой бриллианты, в другой — изумруды, в третьей хранились золотые монеты. Снова тень указала рукой, и Нилл набил кошелек и карманы драгоценными камнями вперемешку с золотыми монетами. И только теперь он как следует огляделся. Здесь хранились все сокровища Майлока, которые собирал он и его предки, в своем роде знаменитые колдуны.

Тень вывела его из странного забытья. Она ждала его у две-

ри, и Нилл нехотя пошел, а потом и побежал вслед за ней, так как она набрала скорость.

Они долго мчались по узким извилистым коридорам, поднимались по ветхим, давно забытым ступеням, пока не вышли наконец к замурованному проходу.

Зелеными кончиками пальцев тень коснулась камней, и камни рассыпались в бесцветный прах, открыв задрапированный проем. Нилл раздвинул рукой ткань и вошел внутрь.

Он стоял на пороге комнаты колдуна, и сквозь дым горящих факелов мог видеть Майлока, который стремительно откинув голову назад и воздев вверх руки, монотонно пел на забытом филогенетическом языке. Он был настолько поглощен заклинаниями, что не заметил вошедшего Нилла. И тут тень, пританцовывая, двинулась вперед, указывая на Майлока и умоляющими жестами приглашая Нилла следовать за собой.

Наемник рванулся к колдуну, на ходу обнажая кинжал.

Он собирался воспользоваться его клинком против Майлока, считая это ничуть не хуже, чем тратить время на замахи мечом. Пока Нилл бежал, тень плыла рядом, ухватившись за его руку. И он снова ощутил воздушную легкость ее прикосновения.

Майлок резко обернулся, испуганный топотом военных сандалий по каменному полу. Его глаза мгновенно расширились, а рот раскрылся для крика.

Нилл уже был внутри влажной от крови пентаграммы и поднял свой кинжал для смертельного удара. Но тень опередила его, протянув к Майлоку свои изящные руки. И тогда колдун действительно закричал, увидев эту грациозную черноту, готовую вернуть его в свои объятия.

Нилл боялся шевельнуться. Он замер на середине взмаха, боясь поранить тень, не зная даже, сможет ли он это сделать. И тут он увидел, что таинственный призрак принял очертания хорошенькой девушки.

— Луиза, — прошептал Нилл.

— Нет, не Луиза, но когда-то была ею. Да, — прошепел голос.

Раздался смех, мучительный и безжалостный.

Комната закружилась вокруг Нилла. Он зашатался, словно пьяный, внутри пентаграммы, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Он ясно понимал, что головокружение вызвано не ударом оружия, а дьявольскими чарами. Все быстрее и быстрее двигалась комната. Нилл уже не держался на ногах, и в какой-то миг ему показалось, что он падает. Но чья-то твердая рука подхватила и удержала его.

Он стоял, погруженный в красноту.

Под ним был пол из красного камня. Вокруг высились гигантские розовые стены в бриллиантах карминового цвета, украшенные чужеземными гобеленами и золотыми сосудами. Массивные колонны, черные и ярко-красные, поднимались вверх к далекой крыше, наполовину скрытой тускло-светящейся рубиновой мглой.

Высокий, пронзительный крик донесся до Нилла. Майлок ползал по горячему полу, ударяя по нему кулаками и царапая ногтями. Его пурпурная мантия и капюшон уже дымились, а тело корчило в судорогах, словно он испытывал боль.

— Спаси меня, Дальний Странник, — запричитал он. — Спаси меня, и все сокровища будут твоими. Все драгоценные камни и все золото, хранящееся в моем дворце, — все будет твоим. И я, могущественный Майлок, самый мудрый колдун в мире, стану твоим рабом.

— Я убью тебя, жалкий слизняк.

— Да! — пронзительно закричал Майлок, с трудом поднимаясь с колен и подставляя костлявое горло. — Убей меня! Убей и возьми мои сокровища. Только окажи милость, Нилл Могущественных Рук, — умертви, умертви меня!

Нежный смех разнесся по огромному залу. Он дразнил и издевался, а когда коснулся колдуна, тот затрепетал и рухнул ниц.

— Великая Эмелкарта, пощади меня, — промычал он.

— Слишком поздно просить о пощаде. Нет, и еще раз нет. Ты заплатишь за все.

Майлок истошно закричал.

На середине этого крика в зал вошла женщина, одетая в прозрачные малиновые одеяния. Сквозь легкую ткань причудливого платья Нилл мог видеть живые очертания ее тела. Ее черные волосы ниспадали до бедер, зеленые глаза горели злобой, а на полных губах играла холодная безжалостная улыбка.

— Луиза, — прошептал Нилл.

— Нет, не Луиза. Она мертва. Знай, наемник, перед тобой сама Эмелкарта.

— Очень плохо. Я думал, что могу полюбить Луизу.

Ее рот утратил жестокость и приобрел выражение нежной влюбленности.

— Моя женская суть знает об этом, Нилл Дальних Странников. Благодарю.

Сначала я возненавидела тебя за то, что ты спас меня от людей Майлока. Этим ты спутал мои планы: попасть во дворец колдуна, освободиться от крови и превратиться в бесплотного призрака.

Но только ты мог войти в пентаграмму. Даже мне это было не по силам. В тот момент, когда я коснулась твоей руки, твоя безудержная мощная сила увлекла меня внутрь магической фигуры. Там мне удалось схватить Майлока и перенести его сюда, в Одиннадцатый Круг Ада. Так люди называют владения, которыми я управляю.

Она умолкла, а Нилл пристально разглядывал ее черты, находя их еще прекраснее, чем раньше. Широкие брови, изящная линия носа, эти полные губы вызвали в нем чувственное желание, которое будоражило и не давало покоя. Он облизнул пересохшие губы. Старая Таллия оказалась права. Женщина-демон унесла его из человеческого мира, и никогда уже ему не вернуться назад.

Зеленые глаза насмешливо смотрели на него.

— Так что же, Нилл? Хочешь ли ты остаться здесь и быть моим возлюбленным?

Нилл обалдело уставился на нее. Еще ни один мужчина в мире не попадал в более дурацкое положение.

— Нет, нет, ты вовсе не обязан соглашаться, — улыбнулась Эмелкарта. — Хотя та часть во мне, которая является женщиной, хотела бы удержать тебя. Но это место не приспособлено для человеческой плоти. Еще несколько часов и ты не сможешь без боли выносить нагретые ядовитые испарения.

Майлок пронзительно закричал и стал биться головой о раскаленный пол.

Эмелкарта беззвучно прошептала, и жуткие сверхъестественные создания выбежали из стен и наложили на колдуна свои щупальца. Они подняли его на ноги и расступились. Майлок обливался потом, прерывисто дышал и дрожал, словно в лихорадке.

— Ты посмел смеяться надо мной, колдун, — прошептала Эмелкарта, но ее голос прожигал барабанные перепонки своей неистовой яростью. — За это ты будешь страдать. Ты будешь мучиться, как те люди, которых ты пытал. Ты пройдешь сквозь все одиннадцать кругов ада. Ты будешь измучен до смерти, но этого мало. Каждый раз умерев, ты будешь вновь воскресать, чтобы испытать более сильные страдания. Одиннадцать раз ты умрешь и одиннадцать раз возродишься, чтобы начать все сызнова — пока не кончится само Время.

Майлок кричал и кричал. Он извивался всем телом, но был бессилен в этих упругих щупальцах, которые вновь подхватили его. Они донесли его к дальним дверям, за которыми Нилл мельком заметил ярко горящие огни и бьющее вверх пламя.

Они внесли свою ношу в двери.

На мгновение колдуну показалось, что пришел его конец, когда его сандалии коснулись раскаленного пола. Но крики предсмертного ужаса один за другим вырывались из его горла, когда он увидел то, что лежало перед ним. Его повели дальше, и поднявшиеся испарения скрыли от глаз Нилла его тощую фигуру.

— Ты не одобряешь? — Эмелкарта вопросительно взглянула на Нилла. — Но Майлок слишком долго грешил против демонов, держа нас в рабстве. Вскоре он стал бы еще сильнее, так как собирался призвать сверхдемонов. И тогда никто, — ты слышишь? — никто не смог бы бороться с ним. Теперь его чары разрушены, и поэтому мой мир и твой спасены от него навсегда.

Нилл согласно кивнул. Он знал, что сотворила злоба Майлока. Похищения и пытки женщин, сломленная воля мужчин, потерявших под пытками разум, сокровища, похищенные у их законных владельцев. Майлок заслужил эти Одиннадцать Кругов.

Во всяком случае сам Нилл, будь он на месте Эмелкарты, поступил бы точно так же.

Его взгляд скользил по телу женщины, столь открытому и соблазнительному под широкими прозрачными одеждами. В каком-то полусне он видел, что Эмелкарта медленно приближается к нему, запрокинув голову и подняв вверх обнаженные руки.

Нилл сжал ее в объятиях и, помедлив мгновение, поцеловал. Он никогда не забудет этого поцелуя. Он обжег его глубоко внутри и, казалось, поднял из собственного тела в иную сферу существования, где наслаждение бывает почти нестерпимым. Его руки прижали к себе эту гибкую женщину, и что-то в глубине подсказало ему, что отныне ни одна смертная женщина не сможет так взволновать его, как эта, которую он узнал под именем Луиза.

— А теперь прощай, — прошептал ее голос.

Она вышла, и он остался один внутри пентаграммы во дворце осужденного колдуна. Повсюду гулял ветер, он холодил и освежал. Нилл встряхнулся и коснулся меча, чтобы убедиться, что жив и вернулся в свой мир.

Его сердце еще колотилось от впечатления этого последнего объятия. Что ни говори, а Эмелкарта была женщиной, ее рот прошептал ему неописуемый восторг. Нилл потряс головой, говоря себе, что добыл огромные богатства в золоте и бриллиантах, но потерял нечто большее.

— Луиза, — шептал он, проходя по покинутым залам старинного дворца.

Вдруг Эмелкарта снова появится перед ним в человеческом облике. В образе Луизы. Она, наверное, имеет на это власть. — Но захочет ли она? — Нилл не знал, оставалось только надеяться. Он вышел в сад и направился к распахнутой двери ограды. Было похоже, что после исчезновения колдуна все слуги разбежались или их перебили.

Подул речной ветер. Нилл шел по улице к причалам. К кораблю, который увезет его в Угрик. Он был еще полон печали, невзирая на тяжесть своего кошелька.

— Луиза, — снова прошептал он.

Но только ветер подхватил это имя и унес прочь.

Гари МАЙЕРС

РОЖА В АЛЬКОВЕ

Я очнулся от тягостного сна в незнакомом алькове. Высокая готическая арка была занавешена гобеленом. Лампа как полная луна, свешивалась откуда-то сверху. Но свет лампы был настолько тусклым, что я никак не мог разглядеть узор на темной ткани гобелена.

Думая найти в рисунке некий ключ к разгадке моего местонахождения в пространстве и во времени, я тщетно выворачивал свои карманы в поисках спичек, когда занавес вдруг расступился, впуская омерзительную рожу. Рожу, матово-светящуюся и туманно-расплывчатую. Рожу в форме серого удлиненного конуса, завершавшегося пучком розоватых извивающихся щупалец.

Я закричал и рухнул лицом вниз.

Множество пар уверенных человеческих рук подхватили меня за ноги и потащили по каменному полу. Я очутился в окружении семи бородатых старцев в белых рясах священников. Они грозили мне деревянными посохами и что-то взволнованно говорили на незнакомом мне гортанном языке. Они отвели меня в круглую комнату, ярко освещенную жаровнями с раскаленным железом. Некоторые предметы в этой комнате удивительно походили на средневековые приспособления для человеческих пыток: набор клещей различного размера, складывающееся деревянное кресло, всевозможные иглы, щипцы и даже каменные стоки для отвода крови. И венчало это поистине ужасное зрелище высокое ложе, составленное из ножей такой ослепительной остроты, что глазам было больно смотреть на них. Но природа остальных вещей, а их в этой комнате оказалось большинство, отнюдь не указывала на их предназначение доставлять кому-либо неудобство.

Глядя на них, я заключил, что почтенные старцы никто иные, как жрецы Лиги Старейшин, и что подобная темница могла существовать только в сказочной стране, которая окружает наш

мир. Поэтому я нарисовал Знак Старейшин, являющийся могущественным паролем этой волшебной страны, где по умению им пользоваться отличают людей от демонов.

Жрецы Лиги Старейшин извинились за то, что не узнали меня сразу. Но когда ты находишь человека в занавешенном алькове, где ты предполагал найти демона, что еще остается думать? Указывая на мою чужеземную одежду, они высказали осторожное предположение, что я только что прибыл из бодрствующего мира.

Мне пришлось рассказать им о моих одиннадцати предыдущих посещениях сказочной страны, предусмотрительно умолчав о данной мною клятве, согласно которой мой одиннадцатый визит должен был стать последним. Необходимость в подобной клятве возникла из-за тайного пророчества, в чьей правоте я не мог более сомневаться. Это пророчество гласило, что вскоре всемилостивейшие Старейшины будут свергнуты бесчисленными силами Других Богов, которые хотят столкнуть мир в черный винтообразный водоворот, идущий по направлению к центральной пустоте, где султан демонов Азатез терзаем желаниями в темноте. Этот приговор будет неукоснительно исполнен во второе пришествие пресмыкающегося хаоса Наярлзотепа... Итак, я умолчал о клятве с одним лишь желанием избавить жрецов от лишнего упоминания об этом ужасном предсказании.

В свою очередь, они сообщили мне, что я нахожусь в Храме Старейшин в Олтгаре, куда, по всей видимости, был перенесен силой своего воображения. На мой недоуменный вопрос, как столь священное место могло стать убежищем для демонов, они отвечали, что сами вызвали злого духа, так как умелый допрос нечистой силы является одним из способов проверки сверхъестественных слухов.

Когда я осведомился, что за сверхъестественные слухи они пытаются проверить, они ответили мне, что только один, который извещает о надвигающемся свершении основного пророчества их веры.

Вероятно, мое лицо выдало мою несколько большую осведомленность по этому вопросу, так как жрецы тотчас же выразили надежду, что коли я выдумал свою дорогу в сказочную страну, то при неблагоприятных обстоятельствах я всегда смогу выдумать ее обратно. Но если я желаю узнать большее, добавили они, то мне следует пойти к их патриарху, в его комнату на вершине Храма.

Я покинул добрых старцев и, следуя их указаниям, стал подниматься по узкой винтовой лестнице, круто восходящей вверх

вдоль стѣн круглой комнаты. Осторожно ступая боком по узким ступеням и прижимаясь спиной к шероховатой стене, я видел, как внизу подо мной пылающие жаровни описывали в воздухе плавные круги и уменьшались в размерах, пока не стали походить на маленькие красные звездочки на дне глубокого колодца. Все это время я мысленно заклинал Старейшин, чтобы они помогли жрецам поскорее поймать ужасного демона, так как боялся, что он последует вслед за мной по ступеням. Я невольно ускорил шаг, и тогда новое опасение заставило меня содрогнуться. Я подумал, что коварный демон мог опередить меня и теперь поджидает где-нибудь наверху в темноте, и я пошел медленнее. Однако теперь я вспомнил, что рожа демона светилась, и если он окажется рядом, я смогу вовремя его заметить, и, возможно, мне удастся сбежать от него. В противном случае оставалось только одно — прыгнуть. Лучше пойти на верную смерть, чем попасться живым в руки морды.

Однако все мои опасения оказались напрасными, и я продолжал подниматься вверх по лестнице, пока не наткнулся на деревянную ручку большой, обитой кованым железом двери. За дверью я услышал тихое мурлыканье человеческой речи и, пригнувшись к ней правым ухом, смог различить три дребезжащих голоса, принадлежащие трем старым людям.

— Вот уже три месяца, — продолжал первый голос, — как в Селефейсе не приходил ни один корабль из заоблачного Сераниана, где небо сходится с морем. Два месяца мы ждали каравана через Танарианские Холмы из Драйнена на Востоке, и только теперь мы узнаем, что он не вернулся в Драйнен, а взял курс на запад через Серенианское море на Хланит в устье реки Оукранос. Месяц назад море тьмы разлилось на Востоке, подойдя к подножию Танарианских Холмов, и не двинулось назад на рассвете. Тьма разрывалась воплями потерянных душ, и мы в Селефейсе жгли сторожевые огни на вершинах холмов, чтобы растущее наводнение не перехлестнуло через них и не затопило земли Ут-Наргаи своим мраком и завываниями. А поднимаясь на корабль, идущий в Хланит, я увидел, что чужестранец в красном одеянии проповедует ересь на рынке, но никто не посмел остановить его.

Множество кораблей, — начал второй голос, — пришло в Хланит с Востока в прошлом месяце. Они извергли на улицы города бесконечный поток потерявших от страха дар речи матросов, которые вздрагивали при виде любой тени. И еще больше кораблей повернуло прочь на поиски другого пристанища. Долгое время ни одно морское судно не нарушало спокойствия вод га-

вани Хланита. Но четыре ночи назад огни последнего корабля, совершившего длительный путь с Востока, идущего, как ни один корабль не шел до него, мрачно засверкали в ночной темноте. Мы в Хланите оттолкнули его длинными баграми, которые глубоко вошли в его пористые борта. Следующей ночью он снова вернулся, и мы опять отогнали его. А когда галера несла меня вниз по реке Оукранос по направлению к Трану, я в третий раз увидел чужестранный корабль, возвращающийся в Хланит. На носу его железным изваянием стоял незнакомец в красной мантии.

— Мы в Тране, — произнес третий голос, — всполошились только вчера утром, найдя воду Оукраноса солоноватой на вкус и, обнаружив плавающие обломки славного города Хланита, качавшиеся на волнах у мраморных причалов Трана. Тем же вечером в час сумерек чужестранец в алой сутане был остановлен стражей вблизи восточных ворот. Но он успел произнести три заклятия, удостоверяющих его волшебство, достойное миновать добрую сотню ворот Трана. Я не слышал слов, сказанных незнакомцем, но те, кто их слышал, пронзительно крича, спасались бегством через северные, западные и южные ворота, а вслед за ними побежали и те, кто не слышал. Сегодня в полночь мы смотрели на восток с яшмовых уступов Кирана и видели тысячи позолоченных шпилей Трана, которые почёрнели и оплавились, при свете горбоносой луны.

Тут дверь распахнулась внутрь, и я стоял, щурясь от яркого света, в то время как жрецы один за другим медленно проходили мимо меня. Их облачения и бороды были такими же, как у тех старцев, что остались внизу, только посохи сверкали позолотой, а головы украшали золотые шапочки. Они поочередно благословили меня от имени Старейшин, но их лица в этот момент казались неестественно бледными и искаженными ужасом. Я проводил взглядом белые фигуры, осторожно спускавшиеся вниз в темноту и вошел в комнату, которую они покинули.

Занавешенная легким пологом кровать на четырех столбиках неясно вырисовывалась в окружении высоких зажженных свечей, чей свет смутно отражали стеклянные дверцы стоящих рядом книжных шкафов. Старый служитель, поддерживаемый множеством подушек, полулежал на узорчатом покрывале. И я мог бы сразу догадаться, что передо мной действительно тот патриарх, которого я искал, единственно по поразительной длине его белоснежной бороды и по знакам неведомого зодиака, вышитым на его иссиня-черной мантии. Однако другое привлекло мое внимание; я узнал его по выражению великой усталости на морщинистом лице и мудрости в бесцветных глазах: болезненная уста-

лость человека, дожившего до трехсот пятидесяти с лишним лет, бесконечная мудрость верного старого последователя Барзая Мудрого.

Я преклонил колени у кровати патриарха Атала и с глубоким почтением поцеловал его благообразную руку.

Очень кратко я поведал ему о моем таинственном пробуждении в алькове, появлении омерзительной рожи и о моей беседе со священнослужителями. Патриарх выслушал меня до конца, не прерывая моего рассказа, и только важно кивая своей почтенной головой. Он допускал, что наше одновременное прибытие, мое и ужасного демона, не было простым совпадением. Дети Тьмы не могут по своей воле вырваться из родной преисподни, и только космические дыры дают им такую возможность, и кто может сказать, какое новое появление готовят эти повсеместные дыры, из каких иных сфер и плоскостей существования? Вероятно, я, как опытный мечтатель, оказался особенно восприимчив к воздействию подобных дыр, и поэтому он выражает беспокойство, что открытие именно такой дыры послужило причиной моего неумышленного появления.

Но в сложившейся ситуации это может пойти на пользу, продолжал он, если предположить, что я послан Старейшинам, чтобы послужить их избранным орудием, и поэтому он предлагает мне принять участие в поисках, которые он вскоре намеревается предпринять. Дело в том, что слух о втором пришествии пресмыкающегося хаоса Наярлазотепа недавно окончательно подтвердился, и остается только надеяться, что человеку удастся предотвратить крушение мира, как это уже однажды сделали Старейшины, когда они и весь мир были молоды, и только Другие Боги были уже стары.

Но до того, как открыть мне предмет своих поисков, он хотел бы услышать от меня все, что я знаю о всемогуществе Других Богов. Я ответил, что знаю лишь то, что известно каждому: Другие Боги были озорными слугами Старейшин, но они были освобождены от телесной оболочки в наказание за их проказливые выходки и что только неизменная бдительность Старейшин, которая символически отображена в их древних манускриптах, отводила шалости Других Богов от жилища человека. Однако по выражению лица патриарха я понял, что это был плохой ответ.

И тогда я сказал, что знаю то, что запрещено знать любому, но конечно же известно самому патриарху Лиги Старейшин.

— Другие Боги есть главные первичные боги, которые явились на Землю в далекие незапамятные времена Хаоса задолго до рождения Старейшин. Другие Боги родились в черном винто-

образном водовороте, откуда взяло начало Время, и они умерли, когда дыхание вечности увлекло их слишком далеко от первобытного Хаоса. Но они снова оживут, когда очередной виток вечности вернет их обратно в черный водоворот, и тогда Время обернется, а мир и звезды будут поглощены беспредельным султаном демонов, чье имя ни одни губы не осмеливаются выговорить вслух.

Началом этой трагической развязки послужит возвращение Других Богов. Ведь в тот день, когда еще юные Старейшины сошли со звезд на корабли из облаков, они нашли обезображенные трупы Других Богов и узнали об их предсказаниях. И тогда они переплели могущественные заклęcia между телами и душами Других Богов, схоронив их тела глубоко под землей, а души изгнали на невидимую темную сторону Луны. Вот как случилось, что первый приход пресмыкающегося хаоса Наярлзотепа, души и вестника Других Богов, был расстроен чарами Старейшин.

Но дыхание вечности ослабило эти заклинания, и внушающие ужас души Других Богов сошли с небес в подлунный мир, а дряхлые Старейшины, утратившие свою силу, удалились в онисовые крепости на вершине укромного Кадата, бежали в холодную пустыню, чтобы там готовить свою последнюю защиту, а возможно, они просто покорились судьбе и теперь ожидают гибели, которую не в силах предотвратить... Но если сами Старейшины впали в отчаяние, на что остается надеяться нам, людям?

Надежда уходит последней, сказал Атал, и она заключается в том, что поведал Барзай Мудрый мне, его молодому ученику, накануне своего трагического восхождения на запретный Хатек-Кла три столетия тому назад. Поклоняющиеся Старейшинам думают, что Старейшины создали человека, но жрецам Лиги известно, что он развивался самостоятельно из единого первоисточника, прообраза всей земной жизни, который создали Старейшины и который древние рукописи упоминают под именем Уббо-Сатла. Но даже священники не знают того, что было известно одному Барзаю Мудрому, сумевшему расшифровать ту ужасную часть заплесневелых манускриптов, слишком старых для того, чтобы можно было их прочесть. Когда Старейшинам наскучило создавать мир, они отдали на хранение Уббо-Сатлу всю свою непостижимую мудрость, записанную на табличках из камня, добытого со звезды. И это был Уббо-Сатл, которому поклонялся волосатый доисторический человек, а поздние гиперборейцы носили под именем Абхот, отец и мать всех космических нечистей, которые залегли в берлоге под горой Вумитадрат на гиперборейском континенте задолго до сотворения бодрствующего ми-

ра. Весьма возможно, продолжал Атал, что заклинания, которыми Старейшины предотвратили гибель мира, до сих пор хранятся у Абхота, и это было надеждой патриарха и целью его поисков — добыть их.

Тут старый служитель поднялся и тяжело опираясь на неукрашенный посох верховного священнослужителя, который лежал у него на коленях, медленно двинулся в сторону книжных шкафов, стоявших напротив входной двери. Здесь он трижды постучал посохом по мраморному полу, и тотчас же два высоких шкафа перед ним повернулись наружу, как французские окна, открывая прямоугольный клочок ночного неба, густо усыпанный сверкающими звёздами.

Страх перед неведомым, продолжал он, всегда был сильнее всех страхов в мире, именно он, потому что, однажды открывшись, неведомое может оказаться самой чудовищной вещью во Вселенной. Жрецы Лиги Старейшин гораздо лучше меня изучили древние тайны, и поэтому только они знают, что представляет собой наихудшая вещь во Вселенной и что сейчас мы стоим на пути наиболее благоприятном для встречи с ней. Но знание лишает их мужества, тогда как мой страх не может лишить меня его, ибо страх перед неведомым не так уж силен по сравнению с боязнью самой худшей вещи в мире.

Сказав это, он выдернул из своей бороды маленький серебряный свисток на тонкой цепочке и тихонько подул в него. И хотя он сразу же вернул свисток в его потайное место, я успел разглядеть и узнать тот странный рисунок, который был изображен на нем, отвратительное хитросплетение усиков, крыльев, когтей и вьющегося хвоста. Где-то вдалеке поднялся невообразимый кошачий вой, и несколько звезд в окне исчезли, закрытые, как мне показалось, густым облаком летучих мышей. Некоторые звезды по краям этого движущегося контура еще мерцали, но центр его был непроницаем. Все больше и больше разрасталась туча, пока все звезды не были поглощены ею, и тогда неистовый кошачий концерт был задушен громким хлопаньем огромных парковых крыльев. Сырой зловонный ветер подул в окно судорожными порывами, пробивая пламя свечей, развеивая бороду Атала и надувая черным парусом его длинную мантию. Старик обернулся ко мне с костлявым пальцем, приложенным к губам, и жестом приказал мне потушить свечи.

Но когда последняя свеча была передо мной, и я наклонился, задуть ее, я увидел нечто, возникшее из темноты позади нее, Нечто матово-светящееся и туманно-расплывчатое. Нечто в фор-

ме серого удлиненного конуса, оканчивавшегося пучком розовых извивающихся щупалец.

И как мне показалось, слабое свечение становилось все бледнее, а туманная неясность все четче, пока не осталось только мое собственное злобное лицо, смутно отражающееся в стеклянной дверце книжного шкафа.

Я задул последнюю свечу.

СОДЕРЖАНИЕ

К. Дж. Черриш. СУМРАЧНЫЙ БОГ	3
Гарднер Ф. Фокс. ТЕНЬ ДЕМОНА	13
Гари Майерс. РОЖА В АЛЬКОВЕ	35

В помещении редакции номер альманаха можно приобрести за 2 рубля. За происходящее на остальной территории Советского Союза редакция ответственности не несет.

Адрес редакции альманаха и журнала «Бобок»:
103104, г. Москва, К-104, а/я 26

Издание осуществлено совместно с Дирекцией коммерческих программ Ассоциации профсоюзных организаций студентов вузов СССР.

Сдано в набор 23.04.91 г. Подписано в печать 22.05.91. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 2,75. Уч.-изд. л. 2,5. Тираж 50 000 экз. Зак. 1095. Цена 2 рубля. Бумага типограф. № 1.

Типография ХОЗУ Совета ВКП СССР, Москва, Ленинский проспект, 42

*В 1991 году выходят в свет:
шесть номеров журнала «БОБОК»;
двенадцать номеров альманаха «БОБОК»:*

1. СВИСТЯЩАЯ КОМНАТА (Рут Чэттертон, Уилльям Хоуп Ходгсон, М. Р. Джеймс).
2. САМОЕ ВРЕМЯ САЖАТЬ БЕГОНИИ (Хуан Игнасио Феррерас).
3. КОКОН (Джон Гудвин, Уилл Ф. Дженкинс, Стюарт Клоэт, Генри Слизар).
4. ТЕНЬ ДЕМОНА (К. Дж. Черриш, Гарднер Ф. Фокс, Гари Майерс).
5. ВСЕЬ ГОРОД СПИТ (Ширлей Джексон, Джон Колльер, Рэй Брэдбери).
6. БОБОК (Ф. М. Достоевский, Ф. К. Сологуб, И. Бабель, Ю. Олеша).
7. ПАЛЕЦ! ПАЛЕЦ! (Эдвард Д. Хеч, Эдвард Л. Пэрри, Дон Стэнфорд, Маргарет Ронан, Джордж Хитчкок).
8. СЕМЬЯ ВУРДАЛАКА (А. К. Толстой, Ф. К. Сологуб).
9. ВТОРАЯ НОЧЬ В МОРЕ (Брэтт Холлидэй, Фрэнк Белкнап Лонг, Ричард Матесон).
10. МЕЧ ГОБЛИНОВ (Джордж Р. Р. Мартин, Рауль Гарсиа Капелла).
11. СМЕРТЬ ЕСТЬ СОН (Роберт Артур, Сирил Хьюм, Полина Смит, Джек Ритчи).
12. РАЙ II (Роберт Шекли, Роджер Желязны, Лион Миллер, Фредерик Браун).

*(Все нечетные номера альманаха — из коллекции
Альфреда ХИТЧКОКА)*

книги библиотечки журнала «БОБОК»:

- ДУША ВЕДЬМЫ (из коллекции Айзека Азімова).
- ВАМПИРЫ В ПОЛНОЧЬ (тематический сборник переводов).
- ИСТОРИИ, РАССКАЗАННЫЕ К НОЧИ (из коллекции Альфреда ХИТЧКОКА).
- ЧАРОДЕИ (сборник рассказов в стиле «фэнтези»: Рей Нельсон, Ричард Матесон, Филип К. Дик).
- СТРАНА, ГДЕ ВОЦАРИЛСЯ ЗВЕРЬ (Ф. К. Сологуб, Сказочки, сны, рассказы).
- ЗНАК САТАНЫ (Мануэль Кинто. Повесть о вампирах).
- ДЕВУШКА С ГОЛОДНЫМИ ГЛАЗАМИ (Фриц Лейбер. Рассказ-предупреждение, и особенно для мужчин).

...Майлок мог позволить себе
такую прихоть — держать демонов
вместо сторожевых собак...

